

Александр Сурилов

Памяти растоптанного кладбища

Согласно постановлению Верховной Рады Украины «О 70-лети трагедии Бабьего Яра», начиная с 2012 года в Украине ежегодно 27 января на государственном уровне отмечается Международный день памяти жертв Холокоста.

В Одессе об этой скорбной дате молчаливо напоминает безжалостно уничтоженное 2-е Еврейское кладбище по Люстдорфской дороге.

...Весна уже далекого от нас 1970 года. Общее собрание студентов V курса лечебного факультета в Большой актовой аудитории посвящено культовой дате – 100-летию со дня рождения «вождя всех времен и народов». Колченогий предводитель институтского комсомола с пафосом призывает нас 22 апреля, аккуратно на столетний юбилей «дорогого Ильича», ударно отметить сие эпохальное событие студенческим ленинским субботником.

И поскольку субботник приходился, помнится, тогда на среду, это обстоятельство означало отмену занятий и день на весенней природе. При этом известии студенты-медикусы заметно оживились, вспоминая прошлогодний субботник на морских склонах санатория Чкалова, который завершился дружеским пикником на пляже со всякими свойственными молодости затеями и забавами, подогретыми обильным распитием легкого вина и даже кой-чего покрепче.

Однако энтузиазма заметно поубавилось, когда выяснилось, что на сей раз нас посылают обустроить какой-то никому не ведомый «Артиллерийский парк» на задворках Фонтанской дороги.

Однако я со своим другом Володей Рембезом, сыном знаменитого в свое время в Одессе профессора от акушерства

Ворота на Втором еврейском кладбище. В 1873 году отцы города отвели место под Новое еврейское кладбище, и это составляло добрых 10 десятин городской земли на так называемом Скаковом поле. С лета 1876 года по распоряжению городской управы кладбище принялись ограждать каменной стеной, завершив работы только в 1884 году

и гинекологии, наверняка знаем – этот так называемый парк не что иное, как закрытое властями Еврейское кладбище на Люстдорфской дороге. Ведь Владимир со своим отцом Иваном Николаевичем обитал в окрестностях Среднефонтанской площади, за которой и доживал свой век этот, как оказалось, уже обреченный на снос старинный погост. Именно там, в буйных кладбищенских дебрях, мы, бывало, прихватив с собою дюжину пива, казнили в погожие дни постылые циклы лекций по общественным дисциплинам или пресловутой организации здравоохранения.

Заброшенное, захваченное в плен самозваной флорой и фауной, в следах разнузданного вандализма, оно даже в таком жалком виде привлекало к себе внимание своей особенной траурной красотой. Особенно поражало тогдашнее еврейское кладбище своими великолепными памятниками на Аллее почетных гражд-

дан Одессы, где встречались имена людей, не забытых даже в реалиях воинствующей социалистической идеологии. Находили мы там роскошные склепы негоциантов и промышленников, гласных Городской думы и пароходчиков, воротил одесской биржи и банкиров. В соседстве с ними располагались могилы знаменитых в свое время врачей и инженеров, адвокатов с европейскими именами, известных художников и артистов, поодаль, уже как дань советским временам, – революционеров и летчиков, полярников и военных. Разумеется, более всего там в семейных оградах покоилось представителей нескольких поколений обыкновенных одесских обывателей, трудами которых был внесен столь заметный вклад в дело созидания одесского чуда времен золотого века Южной Пальмиры.

Это о них вел речь старик, призреваемый в 1920-х годах в богадельне при Втором еврейском кладбище в одном из «Одесских рассказов» Исаака Бабея: «Он показал своему начальнику столетнюю историю Одессы, покоящуюся под гранитными плитами. Он показал ему памятники и склепы экспортеров пшеницы, корабельных маклеров и негоциантов, построивших русский Марсель на месте поселка Хаджибей. Они лежали тут – лицом к воротам – Ашкенази, Гессены и Эфрусси, – лощеные скупцы, философические гуляки, создатели богатств и одесских анекдотов. Они лежали под памятниками из лабрадора и розового мрамора, отгороженные цепями каштанов и акаций от плеска, жавшегося к стенам...».

À propos! – Кстати! Среди преданных земле на том заповедном кладбище был и Мануил Ицкович Бабель – отец Исаака.

Монументальным символом кладбища был величественный надгробный мемориал, с виду настоящий мавзолей, окружавший с четырех сторон света братские могилы жертв погрома 1905 года.

На каменных скрижалях памятника, вырубленного из светлого гранита и созданного на средства банкира Ротшильда и православной общины Одессы, увенчанного шестиконечной звездой, были изображены вязью букв иврита их имена. Тревожно настаивало, что иные из стел носили на себе явные отметины от пуль и, несомненно, были в лихую пору мишенями для вандалов.

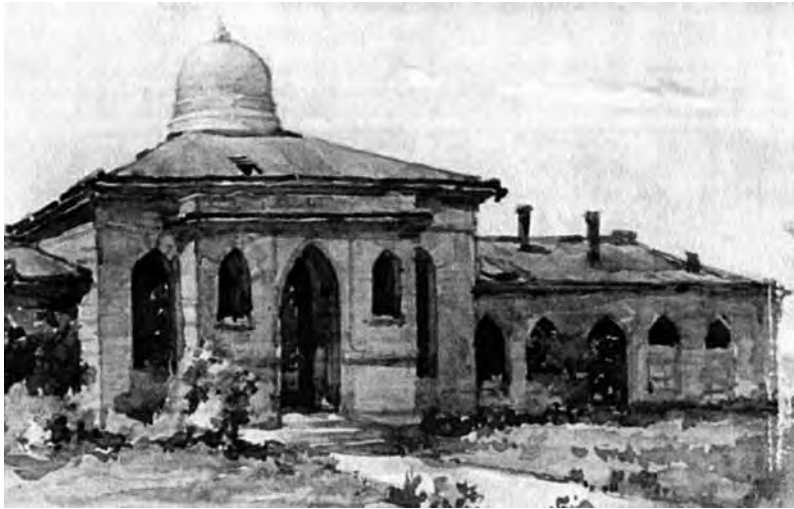

Мемориал Жертвам 1905 года на задворках Третьего еврейского кладбища

Как последний страж погибавшего на глазах всего города кладбища «Мемориал 1905 года» стоял до последнего уже посредине огромного пустыря, являя собою немой укор совести одесситов. Ввиду своей монументальности, а он и сейчас остается самым большим надгробным памятником Одессы, мемориал разобрали в последнюю очередь, да и то с применением специальной строительной техники, и отправили на задворки Третьего еврейского кладбища.

Запомнилась и случайная встреча с последним смотрителем этого погоста. Как утверждал Рембез, водивший дружбу со всеми местными знаменитостями, седовласый старец с выразительным ликом ветхозаветного пророка был в лучшие для сего скорбного места времена служителем в кладбищенской синагоге.

Оскверненная и заброшенная, она также доживала свои последние дни как склад под памятники, сорванные со своих мест и приговоренные к продаже, даже невзирая на свежие надписи краской «Посетили!!!» с недавними датами, тщетно взывавшие

Кладбищенский ритуальный зал

к милосердию. Правда, бойкая торговля кладбищенскими реликвиями, нередко созданными известными в Одессе скульпторами из ценных пород мрамора и гранита, все же заслуженно довела до тюрьмы одного из партийных хозяйственников тогдашнего завода. Но то было скорее исключение из правил.

Старик, его здесь запросто звали Нолик, знал еврейское кладбище «с раньшего времени» и помнил немало занимательных историй из лучшей для этого, как он называл, «одесского цвинтера», поры. Узнав, что мы будущие врачи, он рассказал, как здесь весь город прощался в 1930 году с профессором Яковом Бардахом, и даже показал его могилу.

Показал он у Среднефонтанского входа и скромное надгробье с проникновенной эпитафией:

Прохожий! Ты идешь, я дома – ты в гостях,
Но ляжешь, как и я... Подумай о себе...
Остановись, сорви былиночку,
Вспомни о судьбе.

Здание синагоги в 1970-х годах

Также Нолик утверждал, что именно на кладбищенских задворках, обращенных к военному городку артиллерийского училища, во время оккупации румыны расправлялись как с уголовниками, так и с политическими заключенными, евреями и заложниками. С его слов выходило, что якобы именно там, а не на Аллее славы парка Шевченко, в безымянной могиле и покоится прах героя-разведчика Молодцова-Бадаева. Сейчас там проходит скоростная трасса...

То, что нас, студентов, отправляют уничтожить старинное кладбище, мои родители однозначно назвали вандализмом.

Отец при этом еще и невесело пошутил, мол, мало того, что у нас есть Первое христианское кладбище имени Ильича, так теперь и Старое еврейское, видимо, следует переименовать в парк имени Ленинского субботника. Бабушка же Евдокия, из тех «бывших», кто никак не желал изживать в себе «родимые пятна» старорежимного прошлого, перекрестившись, выразилась проще: «Пусть там и упокоились люди иной для нас веры, но они наши, одесситы, и не будет мне прощения от Господа, ежели я по недомыслию возьму на душу столь тяжкий грех, как участие в сей сатанинской затее. Негоже, – молвила она, – тревожить души умерших».

На общегородской коммунистический субботник ни я, ни Володя, разумеется, так и не вышли, за что были вызваны с остальными «уклонистами» на расправу в деканат. К моему удивлению, декан Драгомирецкий распекал нас не рьяно, а скорее для проформы, и потому отделались мы устным от него выговором, но суровым порицанием со стороны комсомольского актива курса.

А вот пророчество моей бабушки действительно сбылось. Пройдут годы, и не иначе как промыслом Господним судьбы тех из наших однокурсников, кто на том субботнике по уничтожению Еврейского кладбища особенно изгалялся в разных непристойностях и куражился на могилах омерзительными выходками, сложились так, что и злейшему врагу не пожелаешь...

Один из немногих просвещенных одесситов, кто пытался отважно отстоять в партийных органах старое кладбище, был известный в Одессе искусствовед, общественный инспектор Городского общества охраны памятников, видный деятель знаменитого краеведческого общества «Одессика» Абрам Аронович Владимирский.

Увы! Спасти сей исторический одесский пантеон ему не удалось.

Тогда он с находчивостью истового одессита прибегает в интересах дела... к оружию его же идеологических оппонентов, а именно – к махровой партийной демагогии. В начале 1980-х он обращается в Киев, в аппарат ЦК компартии Украины, с письмом, где с «праведным гневом» старого коммуниста и ветерана войны клеймит позором одесских чиновников, уничтоживших памятник, установленный на месте расстрела борцов за родную советскую власть во главе с культовой интернационалисткой Жанной Лябурб у стены Второго еврейского кладбища. Правда, родной советская власть для Абрама Ароновича и его супруги Рашель Аббовны, одного из ведущих архитекторов послевоенной Одессы, отказалась быть с того времени, когда документы на выезд в Америку подал старший сын Владимирских.

Абрам Аронович Владимирский

Реплика ворот Второго еврейского кладбища

Однако письмо сыграло свою роль. Из Киева последовал грозный окрик, и местные партократы с великого перепуга чуть ли не за день восстановили фрагмент якобы былого ограждения Старого кладбища в виде бетонной реплики уничтоженных левых ворот. Этот топорный новодел и по сей день является, разумеется, не памятником революционерам, этим борцам за народное несчастье, а уничтоженному еврейскому кладбищу как одному из пантеонов исторической Одессы...

В начале 2000-х годов в Одессе неоднократно проводились телемарафоны по сбору средств на сооружение Спасо-Преображенского собора. Участвуя в подготовке сюжетов, я вместе с телеведущей Татьяной Захарян готовил сюжеты с мест, где некогда были исторические кладбища города. Я предложил навестить тогда и бывшее еврейское кладбище. Напомнил о стоявшем там еще в начале 70-х величественном мемориале жертвам 1905 года. Дабы довести эту мысль до конца, мы отправились на Третье ев-

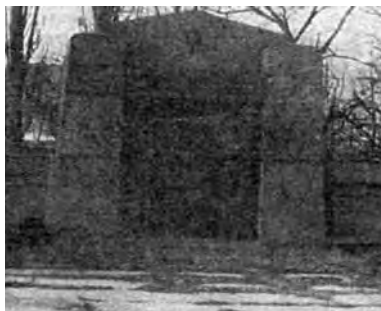
рейское кладбище, где на окoliце его были выставлены во фрагментах части бывшего пантеона.

Печальное это было зрелище, но благодаря телевизионному сюжету я познакомился с замечательным человеком Леонидом Моисеевичем Дусманом, заветной и, увы, не сбывшейся мечтой которого было возрождение мемориала на его прежнем месте в окружении монументов памяти евреев – жертв оккупации.

Известный в Украине общественный деятель, публицист и правозащитник, коренной одессит Л.М. Дусман (1930-2009), сам бывший узник гетто, в 1991 году по личной инициативе на общественных началах занялся увековечиванием памяти жертв Холокоста. С помощью единомышленников проводил работу по установке памятников и памятных знаков

в местах массового уничтожения евреев. Всего им и на начальном этапе с Б.А. Гидалевичем установлено 26 (!) памятных знаков на территории Одесской и Николаевской областей.

В содружестве с заслуженным архитектором Украины С.М. Гольдваром являлся соавтором проекта Мемориала евреям – жертвам Холокоста, который должен располагаться на территории бывшего Второго еврейского кладбища. Эскизный проект мемориала согласован с Градостроительным советом Одессы. Символический первый камень на символическом метре Земли обетованной, с которого должно начаться строительство, был установлен еще 6 мая 2001 года...

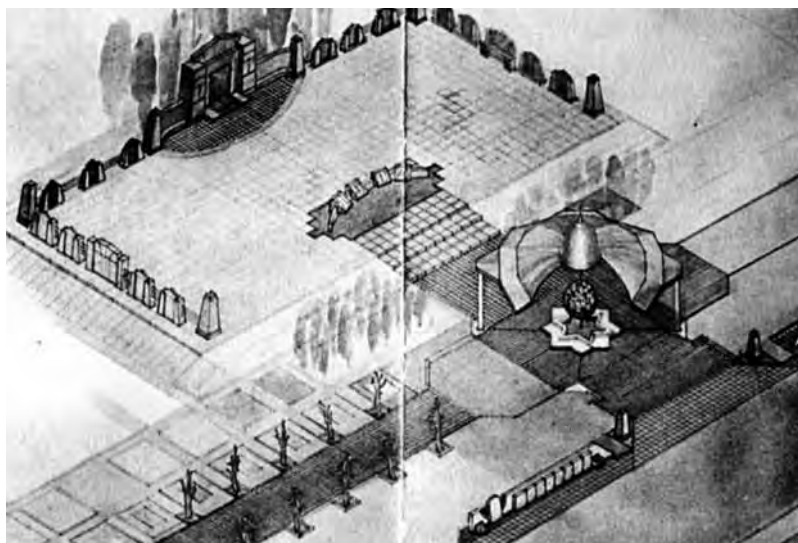

Фрагменты памятника-мемориала жертвам 1905 года. Демонтирован в 1975 году

«В лютые дни оккупации Одессы более 120 тысяч евреев – мужчин, женщин, стариков и детей – приняли мученическую смерть. В Транснистрии – междуречье Днестра и Буга, центром которой была Одесса, погибло около 800 тысяч евреев, – говорил Леонид Моисеевич. – Увековечить имена жертв и героев, уничтоженных, только потому что они были евреями, – святой долг уходящих поколений, переживших Холокост, святой долг всех людей доброй воли на земле».

Леонид Моисеевич Дусман

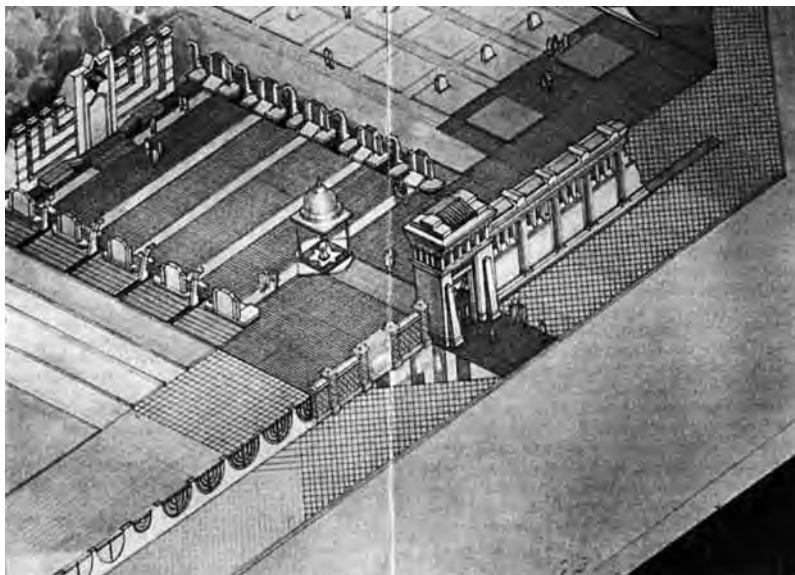
Фрагмент парка. Реставрированный мемориал жертвам погромов 1905 г., шатер «общности религий и народов»

Местом возведения мемориала выбрана была территория бывшего Второго еврейского кладбища, поруганного и разрушенного в период 1950-1978 гг. при попустительстве городской администрации.

В недрах этого кладбища и ныне покоятся останки людей, одесситов, внесших свой весомый вклад в развитие Одессы, мировой культуры, жертвы погромов, Холокоста и политических расстрелов. Эта земля священна для одесских евреев.

В основу проекта положена концепция, построенная на исторических материалах, сакральных заповедях Торы. Эскизный проект одобрен главным раввином Одессы и Юга Украины Авраамом Вольфом.

Проект рассмотрен на сессии Городского совета 28 апреля 2000 г. По решению совета оставшаяся территория разрушенного кладбища закреплена за Всеукраинской ассоциацией евреев – бывших узников гетто и фашистских концлагерей, инициаторов создания мемориала.

Фрагмент парка. Мемориал «Жертвам Холокоста 1941-1945 гг. Транснестрия»

Храмовая стена кладбища. Арх. А.Б. Минкус

Увы, разрешение на строительство памятника было получено от городских властей в 2011 году, уже после ухода из жизни одесского гуманиста...

Лет десять тому назад в Интернете был выложен фильм 1930 года «Беня Крик». Можно спорить о его художественных достоинствах, но то, что в фильме сохранилась отснятая на пленку с документальной точностью тогдашняя заповедная Одесса, не подлежит сомнению. Есть там и сцена похорон на тогдашнем Еврейском кладбище, содержащая и панорамные виды сего погоста, в том числе и обозрение упомянутой стены. Завершает эпизод выезд из центральных ворот Еврейского кладбища на шикарном авто самого короля одесских налетчиков.

Фильм был реставрирован на Одесской киностудии в начале 1980-х годов, когда компьютерной графики еще не существовало в природе, и в этом кропотливом труде принимала самое деятельное участие и моя покойная жена Лидия Гусева.

Завершаю очерк воспоминанием о знаменитом одесском библиографе и краеведе В.С. Фельдмане. Узнав, что я помогаю отцу

Лидия Гусева

Виктор Семенович Фельдман

в сборе исторических материалов к его роману «Омут», посвященному событиям Гражданской войны в Одессе, Владимир Семенович, например, рассказал немало интересного о «пламенных одесских революционерах», братьях Кангунах, которые, успев «социализировать» отца родного, навсегда успокоились на Втором еврейском кладбище, невзначай нараввшись в революционном угаре на гайдамацкую пулю. Притом, что их именем были в советские времена переименованы как улица Польская, так и Польский к порту спуск, их бедное расколовшееся надвое надгробье удивляло нас тогда своей неухоженностью.

Очень многое рассказывал Виктор Семенович моему отцу, и как память о тех встречах храню его факсимильное воспроизведение из журнала «Красная панорама» за 1929 год широко известного очерка «Одесса» журналиста Петра Рыжея, укrywшегося под псевдонимом «Братья Тур».

